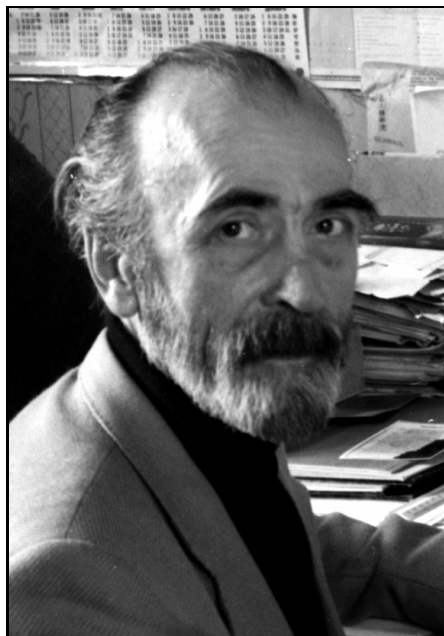

Валерий Вячеславович Полосин
(25.02.1939 — 14.11.2014)

Ушел из жизни выдающийся ученый-арабист, основатель нового научного направления — невербального изучения памятников арабографичной письменности — Валерий Вячеславович Полосин. Это произошло так неожиданно, что я никак не могу заставить себя сесть и написать слово «некролог», настолько оно не вяжется с живым, энергичным, бодрым духом и телом Валерием Вячеславовичем с его летящей походкой.

Вот текст автобиографии, которую Валерий Вячеславович написал, поступая на работу в наш Институт:

«Я, Полосин Валерий Вячеславович, родился 25 февраля 1939 г. в с. Тетюхе Ольгинского района Приморского края, в русской семье военнослужащего.

Окончив в 1956 г. 8-ю среднюю школу г. Ленинграда, поступил в том же году на отделение истории арабских стран Восточного факультета ЛГУ им. А.А. Жданова. По окончании факультета в 1961 г. был призван в ряды Советской Армии и до сентября 1965 г. работал военным переводчиком арабского языка. В 1965 г. по собственному ходатайству приказом Главкома ВВС уволен в запас по состоянию здоровья.

С 23 декабря 1965 г. работаю в Отделении Библиотеки АН СССР при ЛО Института востоковедения АН СССР в должности ст. библиотекаря.

С 1967 г. женат, имею дочь (1968 г. рожд.). Дата: 3 сентября 1973 г. Подпись».

Лаконично и точно, как все, что он делал...

К этому можно добавить, что потом, до самого последнего дня своей жизни, Валерий Вячеславович самозабвенно, честно и упорно работал. Работал, как и положено настоящему ученому: кропотливо, неторопливо, внимательно и с исключительной требовательностью к себе...

С 1976 по 1984 г. Полосин был директором библиотеки Института, а с 2001 по 2008 г. — заведующим сектором Ближнего Востока. Мне посчастливилось работать

с Валерием Вячеславовичем и в библиотеке, и в секторе, и я могу с полной ответственностью сказать, что он был исключительным руководителем — чутким, деликатным и требовательным одновременно. Он сыграл решающую роль и в моей профессиональной судьбе, добившись моего принятия в штат библиотеки и превратив меня из знающего иврит молодого книжочера в востоковеда-гебраиста и направив на изучение еврейской книжной традиции. Период работы в библиотеке подарил Валерию Вячеславовичу, по моим наблюдениям, редчайший опыт соприкосновения с самым широким спектром восточной книжности и превратил его в востоковеда-энциклопедиста. Это было время активной инвентаризации фондов на восточных языках, к которой привлекались молодые востоковеды: китаисты, японисты, арабисты, гебраисты и др., — и все они находили поддержку и понимание у мудрого директора... Происходило чудесное взаимообогащение: Полосин отдавал себя книгам, и книги открывались ему во всем своем изумительном богатстве и многообразии. Для меня нет сомнения в том, что именно этот опыт помог Валерию Вячеславовичу в дальнейшем столь эффективно руководить сектором Ближнего Востока, научная тематика исследований которого выходила далеко за рамки его узкой востоковедной специальности — арабистики.

Но, безусловно, не административная, а научная деятельность была смыслом жизни Валерия Вячеславовича. Его первым крупным исследованием стала знаменитая библиография арабской книги «Фихрист» (Указатель) Ибн ан-Надима. Этому памятнику X в. была посвящена кандидатская диссертация «„Фихрист“ Ибн ан-Надима как историко-культурный памятник X в.», защищенная в Институте в 1984 г. и опубликованная как монография в 1989 г. (М.: Наука, ГРВЛ, 1989). Идеи, выдвинутые Полосиным в этом исследовании, стали стимулом для работы других ученых-востоковедов, о чем свидетельствует, например, последняя статья Н.И. Серикова «Почему Ибн ан-Надим взялся за составление *Китаб ал-фихрист*» (см.: Исследования по Аравии и исламу. Сб. статей в честь 70-летия М.Б. Пиотровского. М.: ГМВ, 2014. С. 456–473). До последних дней своей жизни Валерий Вячеславович занимался развитием нового направления — арабистической дескриптивной археографии, — смысл которого, как он сформулировал в статье «Новое в изучении арабских иллюминированных рукописей» (Петербургское Востоковедение. Вып. 3. СПб., 1993. С. 153), в «переключении археографического интереса с текста, представленного конкретным списком, на рукопись как таковую, т.е. в принципиальном обновлении объекта описания в каталогах арабских рукописей». Его интересовали общие законы оформления памятников арабографичной письменности, а также конкретные варианты традиции — арабо-христианский и друзкий (Полосин В.В., Сериков Н.И., Французов С.А. Арабская Псалтырь. Приложение к факсимильному изданию Рукописи А 187. Санкт-Петербург–Воронеж: Кварта, 2005; Полосин В.В. Старейшая рукопись полной Библии на арабском языке (возвращение к давнишней дискуссии) // Христианский Восток. М.: Индрик, 2009 (Серия, посвященная изучению христианской культуры народов Азии и Африки. Том 5(XI). Новая серия). С. 71–91; Полосин В.В. Друзские рукописи в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН // *Раса'ил ал-хикма* (Послания мудрости, I–XIV). Из друзских рукописей СПбФ ИВ РАН. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1995 (Памятники культуры Востока). С. 10–34).

С сожалением надо отметить, что некоторые важнейшие труды, в которых принимал участие В.В. Полосин в качестве соавтора или автором которых он являлся, до сих пор не опубликованы. В первую очередь я имею в виду: «Каталог арабо-христианских рукописей из собрания СПбФ ИВ» (в соавторстве с

Влад.В. Полосиным, Н.И. Сериковым и С.А. Французовым), «Миниатюры петербургской рукописи „Макам“ ал-Харири» (в соавторстве с О.Г. Большаковым. Полосиным написан раздел «Состояние рукописи») и монографию В.В. Полосина «Невербальная информация в арабских рукописях. Очерки средневековой книжной культуры». Это последняя монография В.В. Полосина, написанная в рамках научного плана Института. Я позволю себе процитировать отзыв на эту работу, который был составлен мною к ее обсуждению (Протокол № 1 заседания Отдела рукописей и документов ИВР РАН от 23 января 2013 г.): «На обсуждение представлено „пионерское“ в полном смысле этого слова исследование эстетических критериев оценки арабской рукописной книги. Здесь все ново, оригинально и, если угодно, неожиданно. В.В. Полосин не просто „поверил алгеброй гармонию“, но и абсолютно убедительно доказал нам, что именно „алгебра“ (точнее, конечно, геометрия) и лежит в основе книжной гармонии. Казалось бы, перед нами очевидный факт: основной (визуальной) работе иллюминатора рукописи и профессионального писца предшествует подготовительный период разметки и разлиновки материала. То есть материал (пергамен или бумага) сначала расчерчивается определенным образом, и лишь потом на него наносится текст или рисунок. Однако совершенно неочевидным является тот факт, что соблюдение конкретных, достаточно жестких, неписанных (в смысле, не прописанных в дошедших до нас руководствах по арабской каллиграфии или декору) правил пропорций и является основой эстетической оценки выполненного труда. Именно это и показывает нам исследование Полосина. Автор в процессе кропотливейшего труда сумел подобрать ключ к пониманию эстетики арабографичной книги прошлого! И если говорить шире — к основной культурной составляющей арабографичной мусульманской цивилизации в целом, потому что ее основанием и является КНИГА. Перед нами исключительный труд, в котором видна не только колоссальная профессиональная эрудиция автора (об этом свидетельствуют, в частности, подробнейшие библиографические сноски), но и исключительная тщательность — каждая схема соотношений размеров разбирается на конкретных примерах, которые сопровождаются наглядными схемами и иллюстрациями». Для меня нет сомнений в том, что издание этой монографии станет и важнейшей вехой в развитии невербального подхода к изучению арабографичных памятников, и выполнением нашего долга перед ее автором.

И последнее, что хочется добавить: 14 ноября 2014 г. от нас «путем всея земли», как говорили мои предки (Книга Иисуса Навина 23:14), ушел один из самых красивых, благородных и достойных людей, живших на Земле.

С.М. Якерсон